

АВТОРСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «СМЕРТНЫХ ПЕСЕН» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

А.Р. Гашарова, канд. филол. наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук
(Россия, г. Махачкала)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-3-2-196-199

Аннотация. В статье нами рассматривается одна из менее развитых жанровых разновидностей эпических народных песен кавказских горцев – «смертные песни». Они лиро-эпического содержания и обладают торжественно-грустным напевом. «Смертные песни» получили авторское переложение и художественно интерпретированы с сохранением смысловой составляющей в произведениях русских поэтов и писателей XIX века: А.А. Бестужева-Марлинского, Л.Н. Толстого, А.А. Фета.

Ключевые слова: фольклор, жанры, «смертные песни», узапы, русская литература.

В «Сборнике сведений о кавказских горцах» [1, с. 26-43] А.П. Ипполитовым в переводе на русский язык даются фольклорные тексты чеченцев, которые получили широкое распространение в народе. Здесь же опубликованы и чеченские героические и героико-эпические песни – узапы.

Узапы – это песни лиро-эпического содержания, обладающие «торжественно-грустным напевом». Для большей достоверности сюжетной линии в них, как правило, повествуется о событиях, относящихся к определенному отрезку времени, это своего рода «вызванная минутой импровизация» [1, с. 26]. Песня исполняется от 1-го лица в условиях отчаянной защиты и неотвратимой смерти. Внутреннее душевное состояние лирического героя раскрывается посредством философских размышлений, рефлексий, внутренних монологов. Зная о приближении своей кончины, герой песни до конца демонстрирует непоколебимость и стойкость духа перед лицом смерти [2].

В начале XIX века песням, аналогичным чеченским узапам, русские писатели дали название «смертные песни». Впервые с этим понятием русский читатель познакомился в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского. Специфическую жанровую разновидность фольклора – «смертные песни» – мы встречаем в повестях «Амма-

лат-бек» (1830–1832) и «Мулла-Нур» (1836).

Недаром в исследованиях, посвященных поэту, наиболее высокую оценку из всех фольклорных элементов повести заслужили включенные в нее песни. Они произвели настолько сильное впечатление на В.Г. Белинского, что он обращался к ним в своих статьях трижды и неизменно подчеркивал их высокое достоинство. Таким образом, «смертные песни», представленные в повести «Аммалат-бек» названы «прекрасными и полными истинной поэзией» [3, с. 362], а между тем, подводя итоги творчеству Марлинского, критик снова выделяет «превосходные стихи – перевод черкесских песен» [3, с. 53]. Именно их имел в виду В.Г. Белинский, говоря, что «и Пушкин не постыдился бы назвать их своими» [4, с. 5].

Упомянутые в повестях «смертные песни» были распространены не только в Чечне, но и в Дагестане. Так, Д.И. Трунов, имея в виду «смертную песню» из повести «Аммалат-бек» и песню из повести «Мулла-Нур», правильно утверждает, что «эти стихи – отголосок услышанных в Дагестане народных песен» [5, с. 182].

Одна из сцен повести изображает неравный бой Джамбулата, Амалат-бека и других горцев. Абреки, видя свою близкую гибель, убили кинжалами своих коней, «чтобы они не досталась врагам», связавшись друг с другом, чтобы никто не

дрогнул и не побежал, залегли за завалом из трупов коней и поют «смертную песню»: «Слава нам, смерть врагу!» Отметим, что эта деталь не выдумана автором, не исключительна, а типична. Литературовед Л. Семенов утверждал, что эта песня позднее получила «очень широкое распространение на Кавказе» [6, с. 8], полагая, по видимому, что она (*песня* – автор) – плод творчества автора. Мы придерживаемся этого мнения, тем более, что в правилах Марлинского было указывать источник, если он давал фольклорные переводы. Однако, являясь плодом авторского вымысла, эта песня своими поэтическими корнями уходит в дагестанский фольклор. Для этого воспользуемся параллелями, подобранными У.Б. Далгат [7, с. 156-157], которые убедительно показывают, что аналогичные обороты мы видим как в песне из повести Марлинского, так и в дагестанских фольклорных песнях: «Очи, не милая черной косой, ворон, закроет крылом // «Не сестры будут плакать над нами, а голодные шакалы, не милая заглянет в наши очи, а черный ворон, который будет их клевать».

«Девы, не плачьте, ваши сестрицы, Гурии, светлой толпой, К смелым склоняя солнце-зеницы, В рай увлекут за собой» // «Что нам прекраснейшие девушки Грузии, когда на небе встретят час объятия райских гурий!»

«Он в грозной битве в чуждом поле, Постигнут Азраилом, пал» // «Как буря настиг меня Азраил в пути».

Таким образом, песня «Слава нам, смерть врагу» представляет значительный интерес в следующих аспектах: во-первых, на основании наблюдений Л. Семенова мы отмечаем влияние русской литературы на фольклор Кавказа; во-вторых, повесть «Аммалат-бек» впервые знакомит русского читателя с неизвестным ему до сих пор фольклорным жанром «смертных песен», свойственным Кавказу; в-третьих, мы можем считать установленным, что о самом существовании на Кавказе подобного жанра, впервые стало само сравнение «смертной песни» Марлинского с фольклорными песнями. Дальнейшая судьба этой песни – яркое свидетельство того, что по идее и художественному воплощению она явля-

ется близкой к фольклорным песням. Уже в одном этом выявляется немаловажная заслуга А. А. Бестужева-Марлинского как поэта.

Своеобразие песен кавказских горцев пытается объяснить и М. А. Васильев, который особо выделяет героические песни. Критик пишет: «У кафра, палимого зноем, у чукчи, дрожащего от мороза, у обоих, которым голодная смерть грозит ежедневно, первая поэзия, как первая религия есть заклинание... Напротив, у скандинава, у кавказского горца, у араба, людей столько же гордых, как бедных, столько же свободных, как бесстрашных, у которых все зависит от самого себя, которые ничего в мире не знают, выше собственных сил и отваги, поэзия есть песня самовосхваления... послушайте песни аварцев и черкеса: это вечная вариация местоимений «я» и «мы»; а «мы» значило у них – мой род, моя деревня, моя дружина» [8, с. 69].

Впоследствии этот мотив получит яркое отражение в повестях Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», где представлены богатейшие этнографические материалы. В течение 1896-1904 годов Толстой работал над этой повестью. Действие повести происходит в 1851–1852-е гг. В центре повествования – дагестанец, аварец, а действие повести тесно переплетается с дагестанской действительностью первой половины XIX века.

Какая же смысловая и выразительно-образная функция фольклорности и этнографизма этой повести?

Л.Н. Толстой использовал песенные жанры народного творчества, от знакомства с которыми он был в восторге и называл их «чудными песнями о мщении и удалстве». Наиболее ярко представлена в повести песня, которую исполняет герой повести Ханефи. Он поет «умный песня» «Высохнет земля на могиле моей...». Эта песня служит и характеристике исполнителя, и одновременно главного героя Хаджи-Мурата, который всегда слушал эту песню с закрытыми глазами. По видимому, она вызвала в нем такой переворот чувств, что он невольно боялся их выплеснуть наружу. Интересна она и как своеобразный памятник фольклора, тем

более, что автор преподносит её как подлинную.

Другую песню Ханефи про джигита Гамзата Л.Н. Толстой мастерски пересказывает. Она выполняет те же функции, что и предыдущая, кроме того, она еще и связана с развитием действия и исходом повести: она символизирует героическую и горькую гибель героя. В ней читатель видит, как священен обычай гостеприимства, живо описан обычай дарить кунаку понравившуюся вещь, не раз здесь речь идет и о сложившемся у горцев стереотипе кровной мести, изображается традиционное оплакивание покойного, этнографически достоверным является также обращение джигита к песне в смертный час.

Если в рассказе Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» произошло органическое слияние собственно толстовского и дагестанского фольклорного начал, то у А.А. Бестужева-Марлинского дагестанский фольклор – это роскошный орнамент в духе романтических идеалов писателя.

Чеченские «смертные песни» (узамы) были по достоинству оценены

Библиографический список

1. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис: Типография Гл. упр. наместн. Кавказ., 1868. – 426 с.
2. Чеченская народная поэзия в записях XIX-XX вв. Илли, узамы. – М., 2005. – 360 с.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13-ти т. Т. 3: Статьи и рецензии. – М.: Акад. наук СССР, 1953-1959. 1953. – 682 с.
4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13-ти т. Т. 1: Статьи и рецензии. – М.: Акад. наук СССР, 1953-1959. 1953. – 574 с.
5. Трунов Д.И. Дорога к свету. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 505 с.
6. Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа. – Пятигорск: Ордж. краевое издание, 1941. – 100 с.
7. Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана. – М.: Изд.вост.лит. 1962. – 206 с.
8. Васильев М.А. Декабрист А.А. Бестужев как писатель-этнограф. Научно-педагогический сборник. Выпуск 1. – Казань, 1926. – С. 65-70.

Л.Н. Толстым. В письме А.А. Фету от 26 октября 1875 года он восторженно пишет, что «...предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необыкновенные» и высылает ему образцы поэтических (литературных) переводов.

Так, по мотивам ранее представленной фольклорной песни «Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать!» А.А. Фета слагает авторские «Песни кавказских горцев» («Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой...», «Станет насыпь могилы моей просыхать...»). Его произведения максимально подогнаны под оригинал, но передать этническое своеобразие, мировоззрение и вольный дух народа поэту все же не удалось.

Интерес к фольклору и этнографии северокавказских народов способствовал глубокому проникновению в их историю, мировоззрение, раскрытию внутреннего мира горцев и выражению особенностей нравов этих народов, мало знакомых русскому читателю того времени.

AUTHOR'S RETHINKING OF "MORTAL SONGS" IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY

A.R. Gasharova, *Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher*
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
(Russia, Makhachkala)

***Abstract.** In the article, we consider one of the less developed genre varieties of the epic folk songs of the Caucasian highlanders – "death songs". They have a lyrical-epic content and have a solemnly sad tune. "Death songs" received the author's arrangement and artistically interpreted with the preservation of the semantic component in the works of Russian poets and writers of the 19th century: A.A. Bestuzhev-Marlinsky, L.N. Tolstoy, A.A. Fet.*

***Keywords:** folklore, genres, "death songs", uzams, Russian literature.*